

Иван Буюклиев (Болгария)

НОВОЕ СОВЕТСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ТЕКСТОЛОГИИ ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

Л. П. Жуковская. *Текстология и язык древнейших славянских памятников*. М., 1976. 368 с.

В советской палеославистике проблемы текстологии занимают видное место. Далеко за пределами Советского Союза стали известны основополагающие сочинения Д. С. Лихачева «Текстология на материале русской литературы X—XVII вв.», М.—Л., 1962 г. и «Текстология. Краткий очерк», М.—Л., 1964 г., создавшие целое направление в этой науке. В отличие от Д. С. Лихачева, который средствами текстологии решает литературные проблемы — установление архетипа данного произведения, определение авторства анонимных сочинений, раскрытие родства между отдельными текстами и т. д., Л. П. Жуковская направляет свои текстологические наблюдения на более узкие лингвистические задачи. Эта ориентация в определенной степени дополняет методiku и технику текстологических исследований, разработанные так тщательно и углубленно Д. С. Лихачевым. Целостной направленностью своего сочинения автор старается доказать, что текстология крайне необходима не только для литератора-медиевиста, но для и лингвиста.

Это исследование опирается на наблюдения над огромным числом рукописей, сохраняемых в Советском Союзе и у нас, и представляет собой результат долголетнего внимательного сопоставления различных тек-

стов евангелия — апракоса и четверо-евангелия.

На этой основе во многих отношениях дополняется история, развитие и изменения первых переводов в различные эпохи и в отдельных областях славянского языкового мира, связанного с Кирилло-Мефодиевской деятельностью.

Следует особо подчеркнуть разграничение некоторых основных понятий, что придает большую точность дальнейшим рассуждениям.

В терминологии автора под понятием рукопись следует понимать каждое уникальное существующее произведение древней славянской письменности. Его следует разграничивать от памятника, представляющего собой законченность с текстологической и литературной точки зрения и существующего чаще всего под формой множества копий или списков. Следовательно, в одной рукописи могут содержаться тексты различных памятников. Когда эти тексты написаны более или менее одновременно, то тогда они называются сборниками. Если данная рукопись составлена из различных по времени существующих первоначально самостоятельных текстов, тогда говорят о конволюте.¹

¹ От латинского *convolutum*. Срв. *convolvere, volvi, volutus* — 'сжимать в круг,

„Необходимо учитывать — пишет Л. П. Жуковская, — что иногда памятниками называют отдельные важные дошедшие до нас рукописи, известные в науке под именами собственными. Например, можно услышать и прочитать „Остромирово евангелие — древнейший русский датированный памятник письменности“. В этом случае слово памятник употребляется как синоним к слову рукопись. Но правильнее считать, что памятник письменности это — Евангелие, а Остромирово евангелие — только список этого памятника, конкретный экземпляр его (если заметить это современное слово). Поэтому ниже наименование памятник употребляется как синоним к слову произведение, а слово рукопись применяется к существующей в настоящее время определенной рукописной книге или фрагменту ее, т. е. как синоним к слову список“ (стр. 10).

По традиции литературоведение занимается памятниками, а лингвистика — рукописями. Однако, автор особо подчеркивает, что и языковед очень часто приходится ознакомиться с историей текста, с его отношением к другим сродным текстам. Таким образом текстологическая обработка письменных памятников приобретает особенное значение для исторического языкознания.

В труде Л. П. Жуковской проводится ясная граница между понятиями редакция и извод (или список), каковые понятия, по ее мнению, имеют прямое отношение к лингвистической текстологии. Как указывается, редакция „есть результат преднамеренной замены языковых черт (лексических, словообразовательных элементов, фразеологии, особенностей синтаксиса и отчасти грамматических форм), замены, проведенной более или менее одновременно и последовательно од-

катать, крутить, обволакивать, покрывать, вращать“.

ним лицом или группой лиц, объединенных единством целей, принадлежащих к одной историко-культурной или литературной школе, писавших на одном и том же языке или диалекте. Извод же — разновременное, случайное по отношению к каждому списку памятника, как правило не парочитое, отраженное лишь в орфографии рукописи, изменение ее языка (прежде всего фонетики и грамматики) в процессе бытования этого памятника в определенной языковой среде.“² (стр. 18).

В упомянутой выше работе убедительным образом показана большая изменчивость текста даже такого канонического памятника как евангелие. Приведено много примеров, из которых видно, что изменения евангельского текста значительны и обуславливаются различными причинами: личностью переписчика, языковой средой, в которой бытует рукопись, воздействием естественного развития языка и т. д. Эти изменения затрагивают различные уровни языка: лексику, фонетику, морфологию, синтаксис. Исходя из концепции А. Мейе, что если староболгарский язык (у нее древнеславянский) по отношению его грамматического строя можно сравнивать с праславянским (общеславянским), то его лексика имеет диалектный характер,³ автор пытается определить строже общие закономерности диалектной лексики: „... 1. в лексике диалектов соответственные слова, различные по значению, с одной стороны, или по звуковой оболочке или грамматической принадлежности, с другой, представлены всегда наряду с многочисленными словами, общими для данного языка; 2. диалектные различия в лексике могут характеризоваться весьма значительным числом единиц, имеющих

² Срв. V. Jagić. Zwei illustrierte serbische Psalter, Denkschriften, Ph.-h. Klasse, Band 52. Wien, 1906, с. LIV, 2, passim.

³ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, с. 395.

разные значения при единстве звуковой оболочки слова и его грамматической принадлежности, тогда как фонетические и грамматические различия по сравнению с лексическими немногочисленны (хотя в речевом потоке они представлены чаще, чем лексические)“ (стр. 102).

Однако, мне кажется, что понятия язык и диалект не употребляются совсем правомерно, по крайней мере в отношении староболгарского языка эта характеристика не покрывается действительным состоянием. Наличие лексикальных вариантов (алексов) не значит, что исключается наличие установившегося народностного литературного языка, который по своим функциям и по своей структуре имеет наддиалектный (соответственно интердиалектный) характер. Мысль А. Мейе следует толковать лишь с учетом дихотомии староболгарский (отдельный народностный язык): праславянский (общеславянская языковая формация). И в этом духе совершенно правильно его утверждение, что грамматический строй староболгарского ближе всего к праславянскому (последнего периода его развития), но что его лексика имеет более определенно региональный характер. В рамках славяноболгарской народности с учетом дихотомии язык: диалект староболгарский язык проявляется как наддиалектная формация с характером явной литературной приподнятости. В этом смысле очень показательной является характеристика М. Вейнгарта: „Тím více se musíme diviti snaze po odlišovaní synonym která vytvořila již pro čtveroevangelium slovník značné bohatosti a účtíhodné přesnosti, a při tom položila tímto slovníkem spolehlivý základ kulturnímu myšlení.“⁴

Определенной тенденцией в развитии староболгарского языка была

нормативность, которую вводит практика писателей и переводчиков. Эту тенденцию по отношению к грамматическому строю очень верно подметил А. Вайян: „Le système flexionnel du vieux slave, langue parlée sur une aire étendue, et langue écrite d'un vaste domaine slave, présentait sûrement plus de flottement, qu'il n'apparaît d'après l'usage moyen des textes, représente le bon usage. Sans être fixé complètement — car il évoluait — le vieux slave comme toute langue slave littéraire a été codifié par l'enseignement et par la pratique des écrivains, et les variantes régionales ont été écartées.“⁵

В подобном направлении происходили и лексикальные изменения независимо от кажущегося неумолимого многообразия.

Общая оценка, которую делает Л. П. Жуковская лингвотекстологическому методу, не вызывает возражений: „Лингвотекстологический метод изучения памятника письменности, при котором одно звено корректирует и вытягивает другое и, наоборот, вероятно, даст возможность в дальнейшем использовать лексические варианты, выявленные в разных частях и книгах Евангелия, для определения не только его генезиса и истории составных частей и самих списков, но и для определения места и времени создания других памятников и их редакции“ (стр. 110).

Дальше автор специально останавливается на текстологических и лингвотекстологических исследованиях списков древнейших памятников. Сделана целостная оценка установленных Г. А. Воскресенским четырех редакций евангельского текста,⁶ а также некоторых более новых

⁵ А. Vaillant. L'encolage du Sinai. Particularités de la langue du texte. — *Bysantinoslavica*, 21, 1, 1960, с. 82.

⁶ Г. А. Воскресенский. Характеристические черты главных редакций славянского перевода евангелия, по рукописям XI—XV в. — *Труды VI Археологического съезда*, т. 1, Одесса, 1886.

⁴ М. Weingart. *Rukověť jazyka staroslověnského*, I. V Praze, 1937, с. 27.

исследований, связанных с этой проблематикой. Неосновательно обойдена студия К. Мирчева „Из историята на Кириллометодиевия евангелски превод в българските земи“⁷, имеющая непосредственное отношение к редакциям евангельского текста.

В последнем разделе „Текстологические группы и язык рукописей“ на базе тщательных сопоставлений автор определяет несколько групп текстов, представленных прежде всего в русской литературной традиции. Опираясь на большое разнообразие в этих текстах, которое автор раскрывает на всех языковых уровнях, категорически отвергается господствующее до наших дней мнение, что у древних существовало убеждение о сакральности церковных книг и поэтому они не смели ничего изменять. Эти концепции по ее мнению преувеличены. „Они основаны, возможно, на западно-европейской традиции употребления при богослужениях чуждого большинству населения латинского языка, а также на представлениях других религий, в том числе и дописьменных“ (стр. 348).⁸

Несмотря на то, что Л. П. Жуковская не в одном месте предостерегает исследователей евангельского текста от поспешных решений, она сама не устояла перед искушением предложить некоторые неожиданные открытия. На основе пары пища: мьезда, встречающихся в Мартинском и Зографском евангелиях и соответствующих вариантам *ἡ τροφή* и *ἡ ψωδός* в некоторых греческих текстах, автор делает заключение: „Поскольку уже старославянские тетры Зогра. и Марн. различаются в этом случае,

можно думать, что редактирование по разным греческим оригиналам проводилось даже для тетроз и еще на южно-славянской почве“ (с. 342). Это утверждение нуждается по меньшей мере в более убедительной аргументации, построенной на более последовательных сравнениях с греческими текстами, которых автор касается совсем экономно. В этой связи мне хочется указать и на некоторые другие неточности, являющиеся недопустимыми в текстологическом исследовании, как например замена ы буквой ы на с. 22—28 при цитировании Зогра., что не соответствует тексту памятника, а также и отнесение Марн к „древнейшим сербским рукописям“ (с. 59).

В заключение автор еще раз подчеркивает то, что считает главным открытием в своем исследовании: евангельский текст — тетра и апракос — подвергается непрерывным изменениям и эти изменения затрагивают не только различные рукописи, но и повторяющиеся тексты в одной и той же рукописи. Одновременно с этим подчеркивается необходимость не только текстологического анализа, но и типологического сопоставления различных памятников. Как совсем недвусмысленно указано „... главным достижением предложенной книги является уточнение текстологической группировки списков славянского полного апракоса, представленного в подавляющем большинстве рукописей древнерусского происхождения“ (стр. 353).

Рецензируемый труд Л. П. Жуковской представляет собой ценный вклад в исследование славянского перевода евангельского текста и его более позднего развития в отдельных славянских областях, где Кирилло-Методиевская традиция пустила глубокие корни и обогатила в той или иной степени народностные славянские языки.

⁷ См. сборник 1100 години славянска писменост, БАН. С., 1963.

⁸ Это предположение кажется странным, так как латинские тексты не имели того утвержденного и канонизированного характера, который был типичен для византийских текстов.